

В диссертационный совет 99.2.130.02
по защите диссертаций на соискание ученой
степени кандидата (доктора) наук, созданного
на базе ФГБОУ ВО «Владимирский
государственный университет имени
Александра Григорьевича и Николая
Григорьевича Столетовых» и ОЧУ ВО
«Международный юридический институт»

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Асадова Раму Беюкхановича «Юрислингвистическая
конвергенция в правовом регулировании (теория, техника, практика)»,
представленную на соискание ученой степени кандидата юридических наук
по специальности 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки

Современная правовая действительность развивается в условиях стремительной трансформации коммуникационных форм, при которых язык права выступает не только средством выражения воли законодателя, но и фактором формирования правового сознания. На фоне процессов глобализации, цифровизации, трансформации форм международно-правового взаимодействия возрастает значение качества языкового воплощения нормы, от которого напрямую зависит эффективность правового регулирования. В этой связи обращение Р. Б. Асадова к проблематике юрислингвистической конвергенции представляется своевременным и научно востребованным, поскольку затрагивает вопросы смысловой совместимости правовых систем и сохранения национальной идентичности юридического языка.

Научная новизна диссертационной работы обусловлена как постановкой темы, так и реализованным авторским подходом к ее разработке. Соискателем предложена концепция юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании, раскрывающая ее как особое измерение правовой реальности, где согласуются норма, смысл и язык; разработана система критериев эффективности юрислингвистической конвергенции, сформулирована классификация средств соответствующей техники, раскрыт внутренний механизм ее действия, а также разработаны научно обоснованные рекомендации прикладного характера для правотворческой и правоприменительной деятельности.

Степень научной разработанности проблематики в диссертации оценивается как репрезентативная при отсутствии целостной теоретической концепции, раскрывающей закономерности сближения языка права и механизма правового регулирования. Автор обоснованно опирается на то, что имеющиеся в отечественной правовой доктрине исследования, посвященные юридическому языку, юридической технике, семиотике и герменевтике требуют системного комплексного развития. Тем самым диссертационное исследование восполняет теоретико-методологический пробел и задает перспективное направление дальнейших исследований на стыке общей теории права и юридической лингвистики.

Содержание работы соответствует заявленной теме и отражает логику поставленных автором цели и задач. Корректное определение цели исследования получило свою конкретизацию в системе взаимосвязанных задач (с. 13–14), что предопределило структурную организацию диссертационной работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих десять параграфов, заключения и списка использованной литературы, что отвечает требованиям, предъявляемым к научно-квалификационным работам на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Первая глава «Теоретико-методологические основы юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании» посвящена формированию понятийно-категориального аппарата и выявлению теоретических предпосылок исследуемого явления. В параграфе 1.1 автор обращается к анализу категории «конвергенция», прослеживает эволюцию соответствующих идей в философской, социологической и философско-правовой мысли, опираясь на труды отечественных и зарубежных исследователей (с. 29–38). Такой подход позволяет показать, что юрислингвистическая конвергенция имеет прочные теоретические основания и вместе с тем требует специального осмысления в рамках общей теории права.

В параграфе 1.2 раскрываются методологические основания исследования юрислингвистической конвергенции (с. 40–50). Диссертант последовательно обосновывает использование философско-правовых, общенаучных и специальных методов познания, подчеркивая междисциплинарный характер рассматриваемой проблематики. Привлечение диалектического метода, принципов системности и

историзма, а также сравнительно-правового и герменевтического методов позволяет рассмотреть язык права во взаимосвязи с механизмом правового регулирования и выявить особенности смыслового согласования правовых норм в условиях взаимодействия различных правовых систем.

В параграфе 1.3 диссертации исследуется механизм юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании (с. 50–81). Автор обоснованно исходит из того, что конвергенция не сводится к стихийному заимствованию терминов или формулировок, а представляет собой сложный процесс, включающий нормативные, институциональные, процедурные и когнитивно-коммуникативные элементы. В работе последовательно раскрываются структурные компоненты указанного механизма, показывается их взаимосвязь и роль в обеспечении смысловой согласованности правовых норм на различных уровнях правового регулирования. Такой подход позволяет рассматривать юрислингвистическую конвергенцию как функционально значимый элемент современного правопорядка.

Параграф 1.4 посвящен анализу соотношения юрислингвистической конвергенции и юрислингвистической дивергенции в правовом регулировании (с. 82–96). Соискатель показывает, что конвергенция и дивергенция выступают не как взаимоисключающие, а как взаимодополняющие процессы, обеспечивающие динамическое равновесие правовой системы: конвергенция способствует стандартизации и упорядочиванию юридического языка, облегчая правовую коммуникацию, тогда как дивергенция удерживает систему от утраты аутентичности и обеспечивает нормативную адекватность национального законодательства. Особое внимание уделяется поиску оптимума между интернационализацией правового языка и сохранением культурно-правовой идентичности, что позволяет рассматривать указанное соотношение как методологическую ось юрислингвистического анализа и условие устойчивости правового регулирования.

Завершая первую главу, диссертант формулирует выводы, имеющие принципиальное значение для дальнейшего исследования (с. 94–96). Обоснованные в теоретико-методологическом разделе положения создают концептуальную основу для последующего анализа техники и практики юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании и служат методологическим

фундаментом последующих глав диссертации. В целом первая глава отличается внутренней логической завершенностью и демонстрирует высокий уровень владения автором теоретико-правовым и междисциплинарным инструментарием.

Во второй главе диссертации рассматривается техника юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании, раскрываются ее содержание, структура и функциональное назначение. Автор последовательно переходит от общетеоретического анализа к исследованию средств, правил и приемов техники юрислингвистической конвергенции, что обеспечивает логическую преемственность исследования и развитие положений, сформулированных в первой главе. Глава в целом ориентирована на выявление инструментов обеспечения смысловой определенности, терминологической устойчивости и структурной согласованности юридических текстов, что придает исследованию выраженный прикладной и методологический характер.

В параграфе 2.1 диссертации дается общая характеристика техники юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании (с. 97–110). Соискатель показывает, что в условиях функционирования права как текстуальной структуры язык приобретает нормативное значение и влияет на пределы правопонимания и стратегии правоприменения, вследствие чего техника взаимодействия юридического и лингвистического начал становится самостоятельным предметом исследования. Автор раскрывает назначение указанной техники как комплекса средств и требований, направленных на обеспечение смысловой точности, терминологической согласованности и предсказуемости юридического текста, а также акцентирует ее связь с юридической технологией, задающей процедурную логику подготовки и верификации нормативных предписаний.

В параграфе 2.2 основное внимание уделяется системе средств техники юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании (с. 111–120). Соискатель раскрывает, что данные средства выполняют функцию «моста» между содержанием правовой нормы и ее языковым выражением, обеспечивая смысловую точность и терминологическую согласованность юридических текстов; в числе ключевых направлений выделяется необходимость устранения терминологической неоднородности и стилистической избыточности, а также

системного использования дефиниций, терминологических стандартов и логико-грамматических требований к построению норм. При этом автор фиксирует, что в современных российских условиях качество правового текста приобретает не только научно-методологическое, но и государственно-политическое измерение: под воздействием санкционного давления и смены фокуса языковой политики актуализируются вопросы языковой идентичности и смысловой целостности права, а техника юрислингвистической конвергенции рассматривается как инструмент сохранения правового суверенитета и предотвращения подмены смыслов при заимствовании понятий.

В параграфе 2.3 диссертации исследуются правила и приемы техники юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании (с. 121–163). Автор последовательно раскрывает требования к построению юридического текста, направленные на обеспечение смысловой определенности, терминологической устойчивости и предсказуемости интерпретации правовых норм, а также показывает роль логико-грамматических и композиционных приемов в предотвращении юридико-лингвистических дефектов. Особое внимание уделяется необходимости соблюдения баланса между унификацией языковых форм и сохранением концептуальной точности правового регулирования, что позволяет рассматривать правила и приемы техники юрислингвистической конвергенции как инструмент повышения качества законодательства и стабильности правоприменительной практики.

Особый интерес представляет вывод о том, что эффективность юрислингвистической конвергенции определяется не количественными параметрами заимствования правовых конструкций, а качеством их смысловой и ценностной адаптации в национальной правовой системе (с. 164–166). Диссертант аргументированно показывает, что учет культурных, исторических и аксиологических факторов позволяет обеспечить устойчивость правовой коммуникации и предотвратить формальное, внешнее сближение юридических текстов, не сопровождаемое реальной совместимостью правовых смыслов и механизмов правового регулирования.

Завершая вторую главу, автор формулирует выводы, отражающие результаты анализа техники юрислингвистической конвергенции в правовом

регулировании (с. 161–163). Сделанные обобщения позволяют показать, что системное использование средств, правил и приемов указанной техники выступает необходимым условием смысловой определенности, терминологической устойчивости и предсказуемости интерпретации правовых норм. Выводы по главе логично вытекают из проведенного исследования и создают методологическую основу для дальнейшего рассмотрения заявленной проблематики, в том числе для анализа практики реализации юрислингвистической конвергенции в последующих разделах диссертации.

Третья глава диссертации посвящена анализу западных ретроспектив и восточных перспектив реализации юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании современной России. Автор обоснованно смещает акцент с общетеоретических моделей на исследование конкретных векторов правового взаимодействия, что позволяет углубить анализ и придать ему выраженную прикладную направленность. В главе последовательно раскрываются вопросы соотношения языка, культуры и правового регулирования в условиях взаимодействия различных правовых традиций, а также выявляются особенности реализации юрислингвистической конвергенции в западном и евразийском правовых пространствах.

В параграфе 3.1 диссертации рассматриваются критерии эффективности юрислингвистической конвергенции в правовом регулировании (с. 164–176). Соискатель анализирует, каким образом степень смысловой согласованности юридического языка, предсказуемость интерпретации и терминологическая устойчивость правовых норм влияют на качество правового регулирования и стабильность правоприменительной практики. Особое внимание уделяется обоснованию комплексного характера критериев эффективности, включающих юридическое, когнитивное и аксиологическое измерения, что позволяет рассматривать юрислингвистическую конвергенцию как интегральное свойство современного правового регулирования.

В параграфе 3.2 диссертации анализируется практика юрислингвистической конвергенции и дивергенции в правовом регулировании во взаимодействии с западными правовыми системами (с. 177–190). Автор обращается к характеристике различных моделей правового языка и показывает, что процессы сближения в

данном контексте носят неоднородный характер, сочетая элементы унификации и сохранения национально-правовой специфики. Особое внимание уделяется рискам формального заимствования терминологии и конструкций, не сопровождаемого их смысловой адаптацией, что позволяет выявить пределы конвергентных процессов и обосновать необходимость взвешенного подхода к языковому взаимодействию с западными правовыми традициями.

В параграфе 3.3 диссертации рассматриваются восточные перспективы юрислингвистической конвергенции и инструменты языкового сопровождения правового регулирования в условиях взаимодействия с государствами евразийского пространства (с. 191–210). Диссертант анализирует роль юридического перевода, двуязычных и многоязычных нормативных правовых актов, терминологических глоссариев, а также институтов лингвистической и юрислингвистической экспертизы, обеспечивающих функциональную и смысловую сопоставимость правовых текстов. Сформулированные в данном параграфе положения обладают выраженной практической направленностью, развивают и конкретизируют теоретические выводы предыдущих глав и в совокупности придают диссертационному исследованию завершённый и целостный характер.

В заключение диссертации сформулированы основные выводы и обобщения, логически вытекающие из содержания проведенного исследования (с. 211–217). Автор подводит итоги теоретического и прикладного анализа, обозначает перспективные направления дальнейшего изучения проблематики юрислингвистической конвергенции, а также указывает на отдельные аспекты, которые в силу объема и рамок диссертационного исследования не получили детальной проработки. Заключение отличается концептуальной целостностью и отражает достижение поставленной цели и решение заявленных задач.

Следует положительно отметить личный вклад соискателя в разработку заявленной научной проблемы. Представленная диссертация отличается самостоятельностью изложения, внутренним единством и новизной полученных результатов. Все основные положения, выносимые на защиту, аргументированы и подтверждены анализом нормативных правовых актов, научной литературы и материалов правоприменительной и интерпретационной практики, что

свидетельствует о глубокой теоретической подготовке автора и умении работать с междисциплинарным научным материалом.

Сформулированные в диссертации выводы и рекомендации обоснованы применением развернутого и внутренне согласованного методологического инструментария. Использование философско-правовых, общенаучных и специальных методов исследования позволило выявить закономерности юрислингвистической конвергенции и раскрыть ее значение для механизма правового регулирования. Широкий круг использованных источников, включающий труды отечественных и зарубежных исследователей, нормативные правовые акты и материалы правоприменительной практики, обеспечивает достоверность полученных результатов и высокий уровень аргументации.

Замечания по работе. Как и любое самостоятельное научное исследование, посвященное сложной и междисциплинарной проблематике, представленная диссертация содержит отдельные положения, носящие дискуссионный характер и требующие дополнительного уточнения, что, однако, не снижает общей положительной оценки выполненной работы и может быть учтено соискателем в ходе публичной защиты и дальнейших научных исследований.

1. В ряде фрагментов диссертации при анализе процессов юрислингвистической конвергенции используются категории «культурный код», «национальная правовая идентичность», «культурно-правовая специфика» (с. 74–76, 81–83), которые играют важную роль в авторской аргументации. Представляется, что более четкое разграничение указанных понятий и их соотнесение между собой способствовало бы усилению терминологической определенности и концептуальной прозрачности изложения.

2. При анализе взаимодействия западных и восточных моделей правового языка автор оперирует рядом сложных понятийных конструкций, связанных с семантическими и ценностными основаниями правовой коммуникации (с. 177–190). В этой связи представляется возможным в дальнейшем упростить отдельные формулировки либо дополнить их разъяснениями, что повысило бы степень наглядности и доступности излагаемых теоретических положений без ущерба для их научной глубины.

3. В положении 1, вынесенном на защиту, автор определяет юрислингвистическую конвергенцию как «структурное свойство современного права», затем как «процесс целенаправленного согласования языковых средств выражения правовых норм...» (с. 20), а в положении 3, как многоуровневую систему «согласованных правовых и языковых средств» (с.21). Данные неоднородные позиции автора требуют пояснения. В дополнительной аргументации нуждается также оперирование термином «согласование», применительно к конвергенции, поскольку словарное значение термина «конвергенция» означает «сближение», а «согласование» предполагает и возможные противоположные процессы в виде дивергенции.

4. В положении 2, вынесенном на защиту, диссертант указывает на роль юрислингвистической конвергенции в обеспечении правовой определенности, что, по его мнению, способствует «позволяет сформулировать конкретные рекомендации по совершенствованию законодательной техники, судебного толкования и цифрового нормотворчества» (с.20, 158-159). В ходе защиты автору следует конкретизировать свою позицию в отношении понимания «цифрового правотворчества», привести его примеры в национальной правовой системе, обосновать необходимость и механизм их совершенствования.

5. В положении 5, вынесенном на защиту и в тексте исследования, диссертант указывает на «необходимость закрепления баланса конвергентных и дивергентных тенденций в правилах юридической техники», чтобы «институционализировать контроль за «перекосами»» (с.22, 91-100, 180-187), однако, критерии к определению наличия или отсутствия «перекосов», субъектный ряд, на который может быть возложена столь ответственная миссия, системно не раскрывает.

6. В положении 6, вынесенном на защиту, автор указывает, что техника юрислингвистической конвергенции отличается от юридической техники, поскольку последняя, якобы, в основном, ориентирована «преимущественно на логическую стройность и формально-структурную упорядоченность текста нормативных правовых актов» (с.22-23), что не соответствует действительности. В современной правовой национальной доктрине юридическая техника за последние 30 лет получила системное осмысление, приведшее к широкому ее пониманию,

включающему технико-юридический инструментарий и технологии (алгоритмизацию процессов), позволяющие совершенствовать право в целом, различные виды юридической практики, весь спектр правовых актов, юридические документы, как по форме, так и по содержанию. Представляется, что более глубокое осмысление передовых идей и фундаментальных работ представителей научной школы «Совершенствование юридической техники как закономерность правотворческого процесса России (история, теория, практика)» позволят автору перспективно скорректировать свои воззрения и выйти на новые креативные векторы научного поиска.

7. В положении 8, вынесенном на защиту и тесте работы, диссертант предлагает концептуальные основы правил и приемов техники юрислингвистической конвергенции, способствующие обеспечению согласования «правовых категорий с их языковым выражением, композиционной организацией текста и ожидаемыми сценариями правоприменения» (с. 23-24), что логично и ценно само по себе. Однако, здесь вызывает вопросы отсутствие обращения автора к «ожидаемым сценариям» правоинтерпретации. С высокой долей уверенности можно предположить, что юрислингвистическая конвергенция может рассматриваться, как фактор влияния на официальное нормативное толкование.

Представляется, что высказанные замечания носят дискуссионный характер и не умаляют научной ценности диссертационного исследования, а, напротив, подчеркивают его проблемную насыщенность и могут служить основанием для дальнейшего развития заявленной научной тематики.

Заключение о соответствии диссертации критериям, установленным Положением о присуждении ученых степеней. Диссертационное исследование Асадова Р. Б. является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение научной задачи, имеющей значение для развития теоретико-правовой науки. Работа отличается актуальностью, концептуальной целостностью и завершенностью, а также оригинальностью авторского подхода к осмыслению заявленной проблематики.

Диссертация выполнена автором самостоятельно, обладает внутренним единством, содержит новые научные результаты и положения, выдвигаемые для публичной защиты. Полученные выводы и рекомендации отличаются научной

обоснованностью, аргументированностью и логической последовательностью, что свидетельствует о личном вкладе соискателя в развитие исследуемого направления юридической науки.

Диссертация Асадова Р. Б. соответствует критериям Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (с последующими изменениями), в части требований, предъявляемых к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук. Таким образом, Асадов Раму Беюкханович заслуживает присвоения ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.1 — Теоретико-исторические правовые науки.

Заместитель декана юридического факультета,
профессор кафедры теории и истории
государства и права
Национального исследовательского
Нижегородского государственного
университета имени Н. И. Лобачевского,
доктор юридических наук (по специальности
12.00.01 - Теория и история права и государства:
история учений о праве и государстве),
профессор

ПОДПИСЬ УДОСТОВЕРЯЮ

М. В. Баранова

«27» _____ 2026 г.

З.М. НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ
НИИУ И.И. ЛОБАЧЕВСКОГО

Т.А. СУВ...

Почтовый адрес: 603022, г. Нижний Новгород, просп. Гагарина, 23

Телефон: +7 (831) 428-89-92

Адрес электронной почты: baranova@jur.unn.ru

Официальный сайт: <http://www.unn.ru/>